

Воскресный гость «Смены»

ОНА выходит на эстраду не в эффектном концертном платье, а в строгом темном костюме, начинает говорить, и зритель сразу чувствует: своя. Своя — потому что рассказывает о близком и понятном каждому.

В коротких рассказах — вся ее жизнь. Вот Лиза — школьница. Мечтала быть писательницей и все сочинения заканчивала одной фразой: «Мать вышла, погасив свечу». Дома у них разыгрывали театральные шарady, и девочка мимом изображала то Клеопатру, то дьячку. А потом стала настоящей актрисой. Актрисой МХАТа.

Война застала театр в Минске. Два дня играли под бомбежками при пустом зале. До Москвы добирались как придется.

Но больше всего — пешком. Офицеры на машинах узнавали народного артиста Москвина, наподобие горьковского Луки, шагающего с палочкой по большаку, и предлагали подвезти до Можайска.

— Я не один, — отвечал Иван Михайлович, и они шагали дальше.

В лесу под Борисовом рожала женщина. Лиза помогла ей. А недавно после концерта к Ауэрбах подошли мать и сын:

— Здравствуйте, Елизавета Борисовна. Узнаете крестника?

Эвакуация. Урал. Деревня Баранниково, где всех быков звали Генрихами, а коров — Элеонарами. Актриса рыла картошку, срезала капусту, мучилась с лошадьми, которые ее решительно не слушались и даже сбрасывали упряжь. Осенью надела сумку почтальона. Читала односельчанам фронтовые письма, писала ответы, вкладывала в конверты по своей привычке чистые листы бумаги. Баранниковские женщины удивлялись:

— Ой-ой, девка, дак как ты вложишь лист, сразу они и отписывают ответ.

Потом — снова театр, фронтовые концерты. Когда во время выступления начинала бить артиллерия, Лиза зажмуривала глаза, а бойцы хохотали до слез.

В сорок третьем под Яссами встретились с тремя девушками: Машей, Ириной и Ольгой. Нет, они не были чеховскими героинями — сестрами Прозоровыми, познакомились на фронте, но все

СЛОВО АКТРИСЫ

равно считали себя сестрами и после войны мечтали прийти на мхатовский спектакль.

Ирина погибла. Закончились бои. И сам МХАТ пришел к двум сестрам. В выходной день Елизавета Борисовна с товарищами отправилась электричкой в Малаховку, где жили Маша и Оля.

Как-то актриса рассказала соседям на кухне несколько эпизодов из жизни фронтовой концертной бригады. Соседям понравилось. Елизавета Борисовна записала их, потом к этим рассказам добавились новые. С тех пор Ауэрбах, по собственному выражению, не может остановиться. Она признается: «Теперь я еще жаднее заглядываю в окна домов, рассматриваю альбомы с чужими фотографиями, гляжу во все глаза и слушаю, слушаю, слушаю... И жить мне стало еще интереснее».

ЕЕ НОВЕЛЛЫ просты и добры. Одни искрятся смехом, в других — грустинка. Все как в жизни, где соседствуют радость и печаль. На эстраде Елизавета Борисовна делится своим сокровенным, поэтому ее рассказ никогда не прозвучит на двух концертах одинаково. Зритель это чувствует. У нее удивительный зритель. Он хорошо знает, что сегодня на сцене не будет ни джаза, ни модных песенок, что предстоит долгий и негромкий разговор о жи-

зни, знает — и спешит в зал на встречу с умным, добрым человеком. А если кто-то встречается с Ауэрбах впервые, все равно через мгновение они — уже хорошие знакомые. Для актрисы важен даже не столько сам текст рассказа, сколько паузы, когда зал трепетно слит с ней в одном дыхании.

Елизавета Борисовна много ездит по стране, много видит, запоминает. Так рождаются новеллы.

На днях она побывала в редакции «Смены», показала новые работы.

НЕ МОЖЕТ быть таланта без большого сердца. Когда-то Елизавета Ауэрбах написала о своем сыне: «Все равно, какую он выберет себе специальность, лишь бы у него было сердце, которое он не берег бы для себя, лишь бы, видя чужие раны, оно не могло оставаться равнодушным». У нее такое сердце: горячее, беспокойное, которое при виде чужих ран не может оставаться спокойным. Вот почему и зритель не бывает равнодушным, когда слышит слово актрисы.

Л. СИДОРОВСКИЙ

На снимке: Елизавета Ауэрбах. Фото М. Ширмана

Сегодня мы печатаем ранее не публиковавшийся рассказ Елизаветы Ауэрбах «Любимая кукла».

Елизавета АУЭРБАХ

ЛЮБИМАЯ КУКЛА

НЕ ВСЕ в детстве имеют те игрушки, о которых мечтают. И моя детская мечта — иметь куклу с закрывающимися глазами — осталась мечтой. Я видела таких кукол у богатых девочек и в витринах магазинов. Но мама говорила, что они стоят безумные деньги, а у нас безумных не было.

Однажды я нашла на улице, около помойки, голову от куклы. Без глаз, без волос... Было впечатление, что физиономией натуралки пол. Но я видела, что эта голова от такой куклы, о которой я мечтаю. Я принесла голову домой. Мама сказала: — Выкинь эту гадость!

А я не могла. Я завернула голову в детское одеяльце и легла с ней спать. Когда проснулась, гадости не было. А мама сидела ко мне спиной и что-то шила. Она шила кукле туловище.

И каждый вечер, придя с работы, мама брала тряпки, иголку с ниткой, а я не дыша сидела рядом. Когда все было готово, она сказала, что я должна еще потерпеть, что она отнесет куклу на работу, где знакомый художник обещал сделать кукле парик и какие-нибудь глаза.

Короче говоря, в одно прекрасное воскресенье, проснувшись, я увидела рядом куклу в красном платье, с косами и с такими большими и печальными глазами, что сразу ее полюбила. И ни о какой другой больше не мечтала.

Я играла в нее страшно сказать до какого возраста. Я уже кончала школу, кокетничала с мальчишками, но в свободные вечера шила кукле туалеты.

В войну мой маленький сын, у которого не было игрушек, полюбостовал:

— В какие ты играла игрушки?

Я рассказала ему всю биографию моей куклы. Когда я кончила, он спросил:

— Где она сейчас?

И я почувствовала, что краснею. Я не знала, где она. Знаю только, что не могла ее выкинуть или кому-нибудь отдать.

И я стала рыться в ящиках с барахлом (такой ящик есть у каждой женщины). И нашла. Такой красавицей, как тогда, когда деревья были большими, она мне уже не показалась. И я очень боялась, что сын над ней рассмеется. Я молча дала ему куклу и села к окну. Мальчик вертел ее, разглядывал внимательно, а потом сказал:

— Почему ты говорила, что она уж такая старая, самодельная и некрасивая? Ей надо пришить покрепче ручки и ножки, а личико немножечко подрисовать, как ты перед концертом.

И каждый вечер, придя домой после выступления, я брала иголку с ниткой, краски, а сын не дыша сидел рядом. Это было давно. Сейчас сын уже студент.

Недавно днем я присела в сквере на лавочку, где играли нарядные девочки в дорожки куклы с закрывающимися глазами. И вдруг услышала:

— Тата, давай поменяемся. Я тебе дам своего немецкого медвежонка и мяч, а ты мне — свою Лялю с закрывающимися глазами.

Они поменялись. А потом и все остальные дети стали меняться, видимо, надоевшими им дорожками и игрушками.

Какие иногда пустяки могут производить на нас огромное впечатление! Незнакомые мне девочки менялись игрушками — мне-то что? А я весь день думала о них, о своем детстве, о своей маме, о кукле, которую она мне шила. И, едва придя домой после концерта, опять перерыла ящики со старьем, нашла свою куклу. Я поняла, что вещи дороже ее у меня нет и что далеко не все то золотое, что блещет.

Конечно, ни одна из тех девочек не поменяется со мной. Те девочки не возьмут у меня ее даром. Но я и не отдам. Я не променяю ее даже на мечту моего детства — на куклу с закрывающимися глазами.